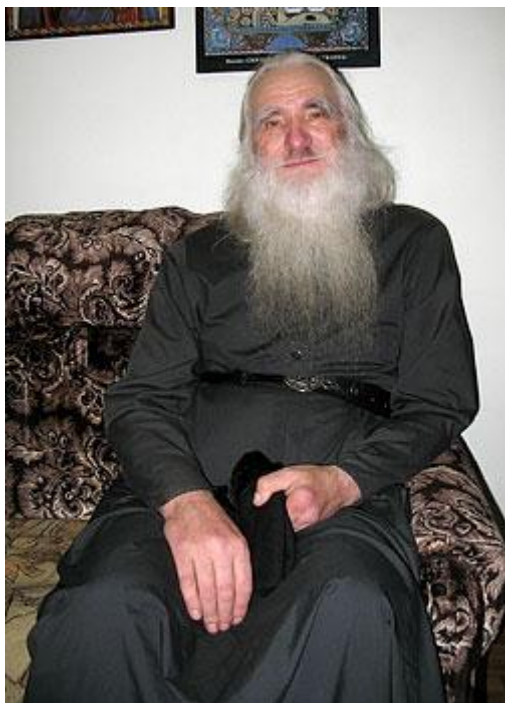

ВОСПОМИНАНИЯ АРХИМАНДРИТА АФАНАСИЯ (КУЛЬТИНОВА). ЧАСТЬ 2

Архимандрит Афанасий (Культинов)

Была в Туме староста, мать Варвара, ростом метр пятьдесят, но волевая. Она к уполномоченному часто ходила. У нее такая «спецодежда» была – две юбки длинных. Из-под подола верхней юбки купюру достанет и – раз уполномоченному. Он взял – всё, очень доволен.

И вот однажды, она рассказывала, приехала и поприветствовала его: «Христос воскрес!» А он дико захохотал. Тогда она ему кукиш: «Вот тебе!» (мол, ничего не получишь больше). Он испугался и отвечает: «Воистину воскрес!».

И вот, когда я с работы ушел, мать Варвара к уполномоченному приехала и говорит: «Ну что тебе, жалко? Отпусти его мне псаломщиком, дьякона мне надо». «Я, – рассказывала потом, – за тебя отвалила».

Конечно, я не стал спрашивать, сколько отвалила. Она дала взятку за меня, и он разрешил меня поставить псаломщиком, дал указ. Ведь тогда нужно было получить регистрацию и у уполномоченного, от советской власти, и у архиерея. Архиерей не мог давать одобрения на рукоположение без согласования с уполномоченным. Уполномоченный дал добро – архиерей рукополагает. Такая была зависимость.

И вот что интересно. Он уже, вроде, заочно дал мне разрешение быть дьяконом в приходе или даже священником. А когда я пришел к нему, он увидел меня и требовал денег – значит, думал, что меня снарядили всем этим. Я пришел, сижу с ним разговариваю. Он спрашивает, я ясно отвечаю. Отвечаю, как мученики. Начитался где-то. «Ты идешь за деньги». – «Нет. Я иду за веру». Вот так перестреливались. «Тебя с твоей больной рукой не пропустят»¹¹¹. Сам начинает по ней постукивать. «Ты детей крестить не сможешь с такой рукой...» Говорил-говорил, а потом открыл стол и вышел. Потом уполномоченный зашел, увидел, что в столе ничего нет, задвинул ящик и опять ко мне приступил. Я говорю: «А закон, конституция?» – «Какой закон? Какая конституция? Все здесь будет, как я скажу. Никуда ты не пойдешь, ничего не добьешься». И уехал я ни с чем.

С моим рукоположением во священника дело тоже долго не продвигалось. Разрешилось все с приездом к нам митрополита Никодима^[2], в семидесятом году уже. В Сабурово надо было ставить священника в Успенскую церковь. Владыка пошел к уполномоченному говорить насчет меня. Уполномоченный Малиев, татарин, раскричался, начал по столу стучать. А митрополит не сдается и сам по столу стучит. Уполномоченный, конечно, его боялся, владыка ведь был вхож к первому секретарю, за границу ездил... Он, конечно, уполномоченного заставил, и мое рукоположение разрешили. И вот митрополит Никодим сам во священство меня рукополагал 3 января 1970 года.

Митрополит Никодим (Рогов)

Дело в том, что 1 января у владыки здесь мама умерла, Елизавета. Гроб ее стоял среди церкви: ее хоронят, а меня рукополагают – в один день. Владыка привез из-за границы ветви пальмовые, все так убрано... В тот день должна была быть служба святителя Петра, но служили Иулиании мученице, чтобы заупокойная была... Служил тогда и отец Петр Чельцов. Он ныне прославлен во святых^[3]. Я у него неоднократно бывал, он мне тоже помогал. И вот в день его ангела хранителя священство мне пришло.

Отец Иоанн (Крестьянкин) за год до рукоположения прислал мне большой наперсный крест. Он отдал его нашей династии Культиновых, передал в мою семью. Я этот крест носил, потом сыну, иерею Димитрию, отдал... Молитвы отца Иоанна (Крестьянкина) и отца Петра особенно в моей жизни сказались.

При рукоположении по левой стороне стояли протоиереи, по правой – монашествующие. Был и архимандрит, будущий митрополит Смоленский, Кирилл (Гундяев). Рядом с ним стоял Хризостом (Мартишкин), нынешний митрополит Виленский и Литовский, тоже тогда еще архимандрит. И архимандрит Авель (Македонов)^[4] тоже сослужил. Владыка Никодим, конечно, был расстроен – у него мама любимая умерла. Когда он служил, пот у него шел, так он молился... Вечером накануне пришел ко мне: «Смотри, молись».

Ну вот, во время рукоположения, вроде, сначала все так хорошо было, хорошо... Все наши протоиереи смотрят на меня – такой долговязый стоит... А потом, когда вручили мне Агнец, у меня слезы пошли рекой. Они все встrepенулись, все вспомнили себя, наверное. Стоим у престола, а у меня из носа пошла мокрота, слезы градом. Митрополит подошел – и рукой отер, помазал себе чело и бороду, и сказал: «Этот елей дорогого стоит...» Я поражен был такому вниманию. Он спросил: «Ты мордвин?» – «Нет, я русский». И такая сошла благодать на меня во время хиротонии, что все горло выжгло. После, на поминках, я и есть не мог – только газированную воду пил; все сожжено было, и вся моя греховная душа опалилась благодатью. Вот такое событие, принятие священства.

А потом пошел заскок. Приняв священство, я уехал на приход и самовольно удалился от матушки. Отец Иоанн и отец Владимир очень переживали: они поняли, что я впал в прелесть, но сделать со мной что-либо было трудно. Отец

Владимир тогда сказал: «Смотри, бросит она тебя, уйдет». Матушка же не предъявляла мне никаких требований и претензий, но начнет она разговаривать – а я в угол, на молитве все время стоял. Она посмотрит на меня и уходит к соседке, к старушке, чтобы побеседовать. И до того я над ней измывался, в такое состояние ее ввел... Вот вражина что устраивал! Но Бог миловал. Как-то это миновало. Потом уж она мне сказала: «Ты тогда словно не человек стал, у тебя обращение было страшное, ты видеть меня не хотел». А мне казалось, что я святым сделался. Вот она какая, духовная жизнь. А все почему? А потому, что человек я деревенский, а меня сразу настоятелем поставили. Неопытен, ни под каким руководством не находился – и пришел сразу командовать. Помню, алтарница мне начинает что-то говорить: «Вот, батюшка, вот так надо...» – «Я без тебя знаю». Вот такие были заскоки гордыни. «Ты что меня учишь? Я священник, я сам знаю». А сейчас никогда бы так не сказал. Попросил бы: «Ну-ка, расскажи мне, как надо», чтоб научиться.

С семьдесят четвертого по семьдесят восьмой год служил я в Туме. Конечно, приход там очень трудный. Там живут выходцы из эстонцев, люди своеобразные. На этом приходе с войны сменилось сорок священников. И когда я, расстроенный очередным неприятным событием, выходил на амвон и говорил, что я сейчас уйду, они отвечали: «Пожалуйста, уходи. Нам дадут священника получше тебя». Ну что, враг посмеялся, потешился и ушел. Вот такое духовное искушение. А потом и я, действительно, уехал. В семьдесят восьмом владыка Симон^[5] перевел меня в Кадом.

Здесь, в Кадоме, священник был заштатный, отец Михаил, фронтовик. Он запивал. Вызвал его владыка Симон, чтобы за штат вывести, а тот думал – митру ему дают. Приехал, а ему там – раз! На покой... Он выбежал из епархии – и домой, потом собрался, отточил ножик и поехал обратно, убивать владыку. «Зарежу, – говорит, – его». И действительно зарезал бы. Но владыка почувствовал неладное, встретил его и говорит: «Отец Михаил, ты садись, садись...» Верно, передалось им состояние друг друга: владыке – решимость, а отцу Михаилу – его дрожь. «Ты садись, отец Михаил. Тихо. Успокойся...» А у того ножик, он выжидает пихнуть владыку ножом. Ну, видно, Бог вразумил, и как-то владыка смягчил его, тот и ушел ни с чем. Потом он обиду на владыку держал. Как-то я сказал ему: «Ты сам виноват». Хотя, конечно, было жаль его. Он же мученик, в крематорий уже шел в концлагере: немцы хотели его сжечь. И вот подошел он к крематорию и взмолился: «Господи, архангел Михаил (он крещен в честь архангела Михаила), помоги, детки у меня там остались!» И вдруг немецкий офицер подходит: «Рус, ты священник?» – «Да». В сторону, оставил его. Потом он в лагерях был, потом бежал, и неудачно. Потом отпустили его из плена. Вот такая судьба. Он до армии был аскетом, вот враг и мстил: скрутил его так, что он запил. Но, конечно, я с ним мирно жить старался.

Митрополит Симон
(Новиков)

Думаю, одно из необходимых качеств для иерея Божия – смирение. Надо вырабатывать смирение и сострадание к людям, никого не презирать, за каждого молиться. Допустим, есть люди, которые по своей воле ушли из жизни, самоубийцы... При владыке Симоне Правдолюбове, очень строгие, запрещали таких отпевать, и владыка через епархию давал священнику указания: разрешение, допустим, Трисвятое по Отче наш пропеть и предать земле, или кому-то, если он лечился в больнице, отпевание дать, но без помина на литургии. И я всегда воспринимал это благословение архиерейское не только как приказ – в душе я жалел этих несчастных людей: я не знаю человека, не знаю, почему с ним случилась эта трагедия, кто виноват в его поступке, но я сострадаю этой душе человеческой и с любовью, где можно, поминаю ее всегда. Я считаю, что горе другого человека нужно воспринимать как свое горе. Но это не сразу дается.

Да, наше поколение в священстве такую «терку» прошло... Например, прежде чем прийти к архиерею, мы должны были пойти к уполномоченному по делам религии, перед ним оправдываться в чем-то, отвечать на его странные вопросы... И Боже упаси к уполномоченному зайти в подряснике! К нему положено было идти в плаще, подвернув под него подрясник. Я раз зашел к ним в подряснике, и они издевались надо мною.

Вот, помню, был уполномоченный Борисов, он теперь уж помер. Такой елейный человек. Приезжает староста, он говорит: «Ты постишься?» Она: «Да». – «А что ты ешь?» – «Вот то-то». – «А я тоже пошусь, вот так-то... А ты попу-то руку целуешь?» – «А как же». – «Брось ты целовать... Что ты унижаешься? Зачем это надо?» Он подходил к верующему человеку с его стороны, будто тоже верующий, а потом выматывал душу.

Приехал я однажды, машину нанял, пятьдесят рублей тогда это столько стоило. Он, как увидел меня, спрашивает: «Ты с кем приехал?» Я говорю: «Машину нанял». – «А на какие деньги?» Я говорю: «На свои». – «А сколько ты им заплатил?» – «Пятьдесят рублей». – «Ты помни, что деньги тебе эти государство дает, ты государственные деньги расходуешь. Разве так можно делать? Сюда доехать всего-то двадцать пять рублей стоит». Он просто издевался: тут 260 километров в один конец. Вот такую они вели политику.

Но то, что нас унижали тогда, в итоге очень большую нам пользу принесло. Зарплату староста платил: сколько даст, столько и будет. Тяжело было, но, безусловно, в такие условия мы по Божьему усмотрению были поставлены. Потому что, несомненно, труднее всего проходить служение, когда являешься полным хозяином всех дел и всех средств: на что хочешь, на то их и расходуешь. Человек очень незаметно впадает в грех. Сначала немножко, дальше – больше, а потом и забылся. А когда ты полностью в подчинении, тебе это не нравится, но зато ты чище.

Нынешние молодые священники не знают всего этого: уполномоченного нет, сам себе хозяин. Эта свобода внешняя, она очень обманчива. Владыка Павел^[6] правильно сказал, что священник должен иметь опыт приходского

служения, должен почувствовать свои обязанности перед приходом, он должен испытать воздействие народа, знать его жизнь.

А народ изменился. Вот, например, был у меня такой случай. Приехала ко мне девушка, в институте учится, ей лет двадцать семь. И когда я стал спрашивать ее о грехах, оказалось, что она со студентом сожительствовала... Я спрашиваю: «А как же ты так, без росписи, без венчания?» – «А я проверяю: если он мне понравится, я буду с ним жить, если не понравится – не буду. Мне просто сейчас хорошо с ним, и всё. Я греха никакого в этом не вижу, я не ворую и людей не обижаю». Так я и не смог ничего ей объяснить, чтобы она хотя бы поняла смысл своего греха. Она моих слов не восприняла.

Протоиерей Борис Старк

Я в последнее время часто со студентами институтов и университетов общался, знаю, как они живут, довольно сложно. Вот одна, Елена, Рязанский медицинский институт окончила. Говорит, ребята развязные, матом ругаются, такого могут тебе наговорить... Эту распущенность окружающих очень трудно переносить. Уровень нравственности сегодня очень занижен, состояние у нас очень тяжелое. Вероятно, Запад сильно действует на наших детей, это продолжение войны... Раньше было

почище, Церковь очищалась гонениями и притеснениями.

Вспоминаются слова протоиерея Бориса Старка^[1]. Он был сыном известного адмирала, служил за границей. Как только появилась возможность на Родину приехать, он вернулся и, конечно, очень много претерпел от уполномоченных. Одному из них на его прямой вопрос отец Борис ответил: «К вам я отношусь, как к кровососущим насекомым, которые выпивают дурную кровь из Церкви. Потому что сейчас знают, что невыгодно идти в священники. И если человек неверующий, он в священники не пойдет». Вот как мудро он сказал.

*Воспоминания архимандрита Афанасия (Культинова)
записал монах Павел (Щербачёв)
8 мая 2007 года*

^[1] Надо сказать, что когда мне было восемь месяцев от роду, случилась со мной беда. Однажды мама стирала, а сестра, которой было семь лет, за мной приглядывала. Сидела-смотрела, рот раскрыла, а я к горячей печке подошел и левой рукой в печку залез... Мама меня сразу подхватила и восемнадцать километров бежала со мной в больницу. Принесла меня туда, врач предложил операцию сделать, гипс наложить. А фельдшер, опытная, сказала: «Если вы ему сейчас операцию сделаете, рука у него прямая будет, как доска, он ею работать не сможет... оставьте как есть». И действительно, я любую работу работаю. Жилы кое-где сохранились, ну а два пальца скованы.

^[2] Митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (Ротов; † 1978), в 1960–1972 гг. председатель Отдела внешних церковных сношений.

^[3] Память исповедника Петра Чельцова († 1972) совершается 30 августа.

^[4] Архимандрит Авель (Македонов; † 2006), в 1989–2004 гг. наместник Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии.

^[5] Митрополит Симон (Новиков; † 2006) управлял Рязанской епархией в 1972–2003 гг.

[6] Архиепископ Павел (Пономарев) управляет Рязанской епархией с 2003 г.

[7] Протоиерей Борис Старк († 1996) вернулся из эмиграции в Россию в 1952 г. Служил в Костроме, Херсоне (где был одновременно секретарем епархиального управления). Преподавал в Одесской духовной семинарии. С 1960 г. служил в Рыбинске, затем в Ярославле.